

Бьерн Ханзен (Регенсбург)

Специфика модальных вспомогательных слов в русском языке на общеευропейском фоне.

0. Вводные замечания

Главная цель данной работы это представление предварительных результатов более обширного, типологического исследования категории «модальных вспомогательных слов» (МВС) в большинстве языков Европы. Хотелось бы показать черты, которые русские МВС разделяют с другими языками и те черты, которые на европейском языковом ареале выступают редко. Статья делится на три части: во первой, объясним термин «модальное вспомогательное слово», термин, который в лингвистике многих языков употребляется, но в русском языкознании еще не стал общепризнанным. Вторая часть наших изложений посвящается краткому описанию вышеупомянутого типологического исследования европейских языков. В третьей, попробуем охарактеризовать русский язык на этом общеευропейском фоне.

1. Что такое «модальное вспомогательное слово»?¹

В англоязычной лингвистике широко употребляется термин *modal*, который мы переводим как «модальное вспомогательное слово» (МВС). МВС это в определенной степени грамматикализованное выражение модальности, при чем модальность понимаем в узком

¹ В данной главе повторяются некоторые изложения из работ [8], [11] и [13].

смысле как выражение возможности, необходимости и воли.² Нами выдвигается гипотеза о том, что модальные вспомогательные слова представляют собой особый тип полуграмматических вспомогательных слов, которые образуют категорию с нечеткой прототипической структурой, отражающей их постепенный переход от словаря к грамматике, т.е. среднюю степень их грамматикализации. Мы поддерживаем подход к модальности, который находим в словацкой, чешской, и сербской традициях грамматических описаний; ср. [17], [15] и [3]. В нашей работе попытаемся доказать, что МВС следует рассматривать как типологически релевантный класс, который представлен не только в германских, но и в славянских и других языках.

МВС это особый вид вспомогательных слов (англ. *auxiliary*); последние можно охарактеризовать как морфологически автономные слова, которые выступают в сказуемом и, которые, несмотря на их морфологическую форму, выполняют грамматические или квазиграмматические функции. Они не образуют закрытое множество и находятся в процессе грамматикализации, т.е. они переходят от полнозначных слов к сильно десемантизированным элементам. Б. Хайне определяет вспомогательное слово следующим образом: «[Это] уже не полностью лексический элемент, но еще и не грамматическая флексия, и оно может проявить признаки, характерные для переходной зоны между лексическими элементами и флективными формами» [14, 86 – перевод Б. Ханзен]. Кроме МВС в русском языке существуют и другие разряды вспомогательных слов с следующими (квази)грамматическими функциями:

² Здесь нет места, чтобы подробно обсуждать понятие «модальности» как таковое; см. [1], [2], [18], [19], [20] и статью А.В. Бондарко в данном сборнике

- модальные вспомогательные слова: *должен читать*,
- временные вспомогательные слова: *будет читать*,
- императивные вспомогательные слова: *пусть читает*,
- фазовые вспомогательные слова: *начинает читать*,

Мы можем охарактеризовать МВС следующим образом:

Модальное вспомогательное слово – это полифункциональное выражение модальности. Оно сопровождает основной глагол, с которым оно образует сказуемое. У него одна и только одна семантическая валентность, которая реализуется основным глаголом. У МВС нет собственных именных семантических актантов, оно перенимает их от глагола.

В отдельных языках класс МВС включает в себя ограниченное число элементов, которые могут различаться по степени их грамматикализации. В русском языке встречаются следующие МВС:

- а) личные МВС *мочь, должен*
- б) безличные МВС *можно, нельзя, надо, следует*
- с) периферийные полу-МВС *надлежит, нужно, приходится* и другие

МВС полифункциональны в том смысле, что они выражают не менее двух видов модальности. Нами выделяются три вида, т.е. в отличие от русской лингвистической традиции разделяем «объективную модальность» в два подтипа:

- динамическая модальность охватывает все языковые средства, выражающие объективные факторы, обуславливающие реализацию действия (значения «способность», «объективная возможность» и т.п.)
- деонтическая модальность: здесь реализация действия зависит от чей-то воли (значения «разрешение», «обязанность» и т.п.)
- субъективная или эпистемическая модальность: средства, выражающие «определяемую с точки зрения говорящего степень соответствия содержания высказывания действительности» [1, 157]

МВС полифункциональны, в то время как слова, которые не находятся в процессе грамматикализации, имеют только одно модальное значение. В качестве примера сравним полностью сформировавшееся МВС *мочь* с модальным лексическим глаголом *уметь*. Первое выражает 'способность' (динам.), 'объективную возможность' (динам.), 'разрешение' (деонт.) или 'среднюю степень вероятности' (эпист.), в то время как последний обозначает только 'когнитивную способность'. Модальные элементы иногда имеют дополнительные лексические значения, например МВС *должен*, которое кроме модальных значений может выражать 'быть в долгу'. Сосуществование лексических и модальных значений объясняется гибридным характером вспомогательных слов, находящихся в переходной зоне между грамматикой и лексикой. Морфологически МВС представляют собой автономные элементы. Таким образом, можно отличить их от независимого инфинитива или аффиксов, подобных венгерскому потенцилису. Поскольку МВС являются результатом процесса грамматикализации, в их морфологии и

синтаксисе проявляются следы тех частей речи, к которым они первоначально принадлежали:

- МВС, произошедшие от глаголов: напр. *мочь*,
- МВС, произошедшие от существительных: напр. *надо*
- МВС, произошедшие от прилагательных/наречий: напр. *должен, нельзя*.

Из этого следует, что к классу русских МВС относятся слова не только с глагольной морфологией (типа *мочь*), но и морфологические прилагательные (*должен*) и предикативы (типа *надо*). Поэтому мы используем термин «модальное вспомогательное слово», который объединяет принятые в руссистику термины «модальный глагол» и «модальный предикатив»; напр. в [9, 215]. С синтаксической точки зрения МВС характеризуются тем, что у них одна и только одна семантическая валентность, которая реализуется основным глаголом. МВС перенимает валентностную структуру основного глагола и не может независимо от основного глагола находиться в сфере действия наречий; более подробный анализ синтакса МВС читатель находит в работах [8] и [11].

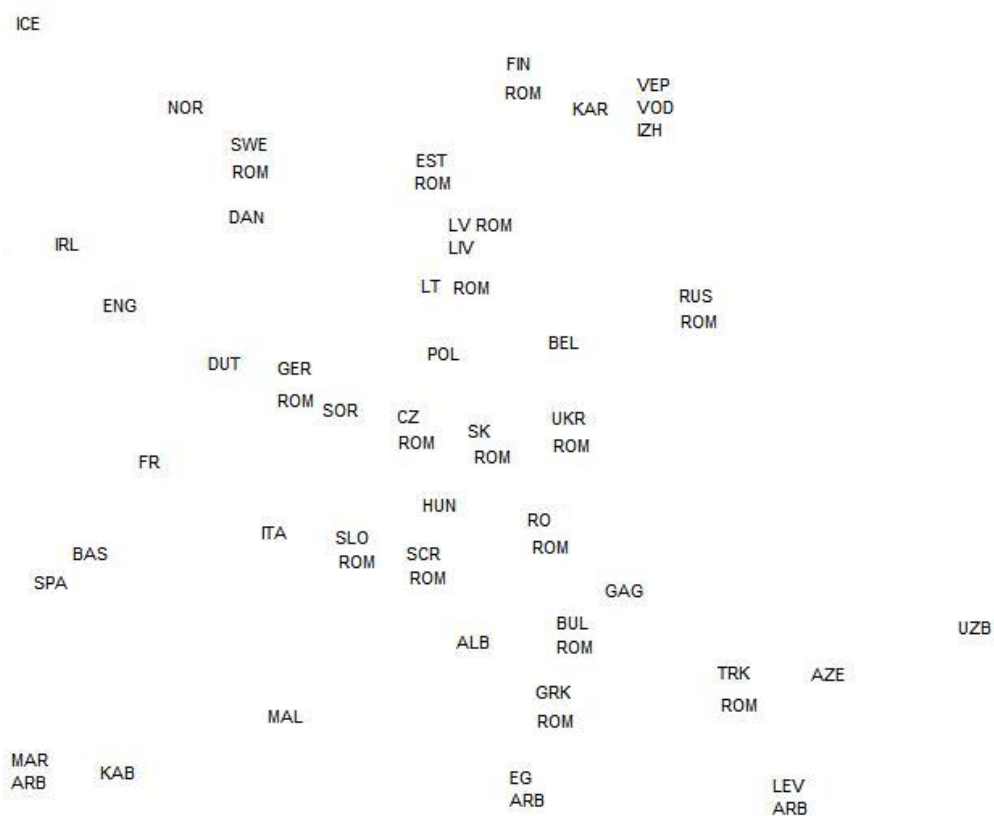
В основе нашего анализа лежит представление о принципиально г р а д у а л ь н о м характере лингвистических категорий и о нежесткой границе между грамматическим и неграмматическим. Мы согласны с В. А. Плунгяном, который пишет, что «грамматические категории не являются жестко заданными и неизменными структурами; по этой же причине в языках безусловно возможны «более грамматические» и «менее грамматические» явления» [6, 130]. Таким образом, можно отнести МВС к тому, что В. А. Плунгян

называет «грамматической периферией» т.е. к промежуточной зоне между словарем и грамматикой.

2. Очерк типологического проекта «МВС в языках Европы»

На конференции «Модальность в славянских языках. Новые перспективы», проводившейся 2004-го года в Регенбсурге/Германии, возникла идея типологического проекта, посвященного описанию МВС во всех языках Европы. Йоан ван дер Аувера (Антверп, Бельгия), Фердинанд де Хаан (Аризона, США) и я решили организовать секцию, посвященную данной теме, на очередной конференции *Societas Linguistica Europaea* 38, состоявшейся в сентябре 2005-го года в Валенсии/Испании. На эту секцию были приглашены специалисты по всем большим языкам Европы. На основе этих рефератов теперь готовится сборник, публикация которого планируется за осень 2008-го года [13]. Сборник содержит описания МВС и смежных категорий в следующих языках или языковых семьях: албанском, арабском (мальтийском и вариантах арабского языка средиземного моря), прибалтийско-финских языках, баскском языке, балтийских языках, кабилском (=берберском), венгерском, германских, греческом, ирландском, романских, славянских, тюрских и цыганском языках. Мы располагаем языковыми данными, покрывающими весь европейский языковой ареал и данными из некоторых соседних языков вне Европы, при чем не во всех случаях было возможно исчерпывающе описать весь класс МВС данного языка. Карта I содержит языки и варианты языков, которые вошли в наше исследование.

Карта I: языки исследования³

Авторы, которые занимались генетическими семьями, по очевидным причинам, были вынуждены ограничиться выбором отдельных языков или выбором отдельных МВС. Редакторы книги дали авторам анкету, которая позволяет описать и сравнить МВС языков типологически разной структуры. Каждая статья содержит перечисление всех средств выражений модальных значений в данном языке как напр. лексических имен существительных или аффиксов. Теоретической рамкой описания МВС служила теория грамматикализации.⁴

³ Сокращения базируются на английском языке. Некоторые из них требуют объяснения: ROM обозначает варианты цыганского языка; LIV - ливский, VEP - вепсский, VOD - водский, IZH - ижорский, KAR - карельский, SOR - лужицкий, SCR – сербский/хорватский, GAG - гагаузский, MOR-ARB – марокканский арабский, EG-ARB – египетский арабский, LEV-ARB – левантский арабский

⁴ Для описания основ теории грамматикализации см. [4, 23-83] и [5].

Грамматикализация представляет собой сложный «макропроцесс», состоящий из ряда взаимосвязанных «микропроцессов», действующих на различных уровнях языковой системы. Немецкий лингвист Кристиан Леманн (2002) в известной монографии «Размышления о грамматикализации» [16] различает шесть «параметров» грамматикализации, которые в дальнейшем более подробно опишутся.

Таблица 1: параметры грамматикализации по Леманну 2002

параметр	процесс	
интегральность	генерализация и сокращение	парадигма- тический уровень
парадигматичность	парадигматизация	
парадигматическая вариабильность	облигаторизация	
сфера действия	кондензация	синтагма- тический уровень
связность	фузия	
синтагматическая вариабильность	фиксация	

Интегральность языкового знака: Здесь речь идет о геренарлизации значения и сокращении фонетического материала слова. Как было показано в главе 1 для МВС особенно роль играет полифункциональность в семантическом поле модальности. Поэтому, особое внимание уделяется полисемии отдельных МВС. Учитываются и не-модальные значения, то есть лексические пред-модальные и грамматические пост-модальные значения. Таким образом обнаруживаются типологически распространенные семантические модели, так называемые «к а н а л ы г р а м м а т и - к а л и з а ц и и». Эти каналы показывают и возможную дистрибуцию значений в синхронном уровне и пути их исторического развития.⁵ Интегральность языкового знака отражается не только в семантике, но

⁵ О каналах грамматикализации и семантических картах см. [4] и [10].

и в фонетической форме элемента. Микропроцесс сокращения материала имеет место, когда лексема утрачивает отдельные звуки или слоги или когда ослабливаются просодические характеристики; напр. типичный случай сокращения материала представляется сербским будущем *-ću*, которое восходит к полной форме *hoću*.

«Парадигматичность языкового знака» касается вопроса, входит ли данный элемент в закрытый парадигм; напр. падежи в русском языке образуют узко замкнутый парадигм, состоящий из шести членов. Высокая степень парадигматичности находит выражение в том, что члены относятся к общей генерической категории и находятся в взаимоисключающих отношениях, т.е. члены класса не комбинируются с собой. Напр. падежные морфемы в русском языке нельзя комбинировать с собой; ср. форму **человек-у-а*.

«Парадигматическая вариабильность»: здесь спрашивается, относится ли элемент к обязательным категориям определенной части речи или нет; обязательность является чертой высоко грамматикализованных категорий; напр. вид в русском языке - обязательная грамматическая категория глагола: каждая глагольная форма носит видовую маркировку. Рост парадигматической вариабильности – т.е. облигаторизации – отражается в утрате сочетаемостных ограничений; напр. некоторые модальные элементы в ранние периоды сочетаются исключительно с глаголами с человеческим подлежащим и в течении процесса облигаторизации они получают возможность сочетания и с неодушевленными подлежащими.

О статусе «синтаксической сферы действия» в процессе грамматикализации не существует единогласия между учеными. В то время как Леманн исходит из того, что элемент, находящийся в процессе грамматикализации, подлежит конденсации, т.е. сужению

сферы действия, Трауготт 2003 [19] указывает на возможность расширения сферы действия. Поэтому, мы следуем Майсаку [4, 53] который считает данный параметр нерелевантным для определения того, имеем мы дело с грамматикализацией или нет.

«Синтагматическая связность и синтагматическая вариативность»: полнозначные элементы обычно допускают вставку языкового материала между собой и зависимыми элементами или перестановку внутри конструкции или предложения. В отличие от этого, грамматикализованные элементы могут слиться с модифицируемым элементом или не допускают перестановки с элементом в своей сфере действия.

3. Некоторые черты русских МВС

Первый анализ данных из вышеупомянутых европейских языков, позволяет сделать следующие предварительные выводы о МВС на европейском ареале в общем и о специфических чертах русских МВС в частности:

1. МВС представляют собой класс слов, который встречается во всех языках европейского ареала. Среди анализируемых языков только кабийский язык, который относится к соседнему североафриканскому языковому ареалу, не имеет класс МВС. В этом берберском языке модальные значения выражаются различными комбинациями частиц с видо-временными формами глагола. Модальная полифункциональность встречается во всех европейских языках без исключения и, таким образом, характеризует весь европейский языковой ареал.⁶ Из этого можно сделать вывод, что

⁶ Т.е. данные подтверждают гипотезу ван дер Ауверы и Аманна [20].

развитие модальной полифункциональности является признаком европейзации языка. Грамматическая полифункциональность, которая развилась в русском языке в историческое время – см. [2], [11] и [12] – является результатом семантических сдвигов, типичных для процессов грамматикализации. Дистрибуция значений и семантическое развитие русских МВС не произвольны, а полностью соответствуют движениям по характерным и для других языков Европы «каналам грамматикализации». Мы нашли следующие каналы, ведущие от лексических предмодальных значений к модальным:

а) «быть сильным» > «возможность»

русск. *мочь, можно*; англ. *may*; датск. *måtte*; финск. *voida*, ирландск. *séitir*; мароканск.-арабск. *qdər*;

б) «нуждаться в чем-н.» > «необходимость»

русск. *надо, нужно*; польск. *trzeba*; финск. *tarvita*; англ. *need*; ирландск. *feidhm*; баскск. *behar*; итальянск. *bisognar*;

в) «движение в пространстве» > «необходимость»

русск. *следует, приходится*; итальянск. *occorre, conviene, andare*; финск. *tulla, saada*;

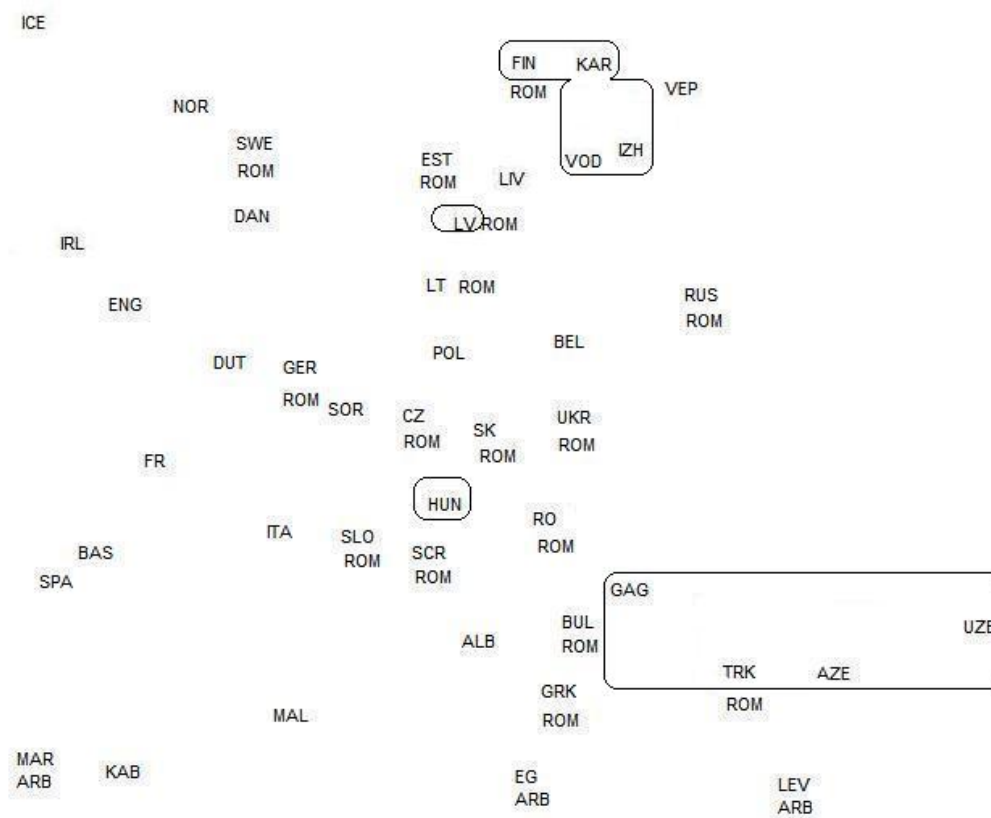
г) «быть в долгу» > «необходимость»

русск. *должен*; польск. *powinien*; романск. *deber*; немецк. *sollen*; датск. *skal*

2. Русский язык относится к языкам, где модальность не выражается флексией. Морфологический способ выражения модальности находим в Европе редко, а именно только в следующих неиндоевропейских языках: тюрских, венгерском, финском, карельском, водском и ижорском. Кроме того латышский имеет дебитив. Все эти языки

рядом с модальными аффиксами, имеют и МВС. Мы можем сделать вывод, что русский язык в отношении к данному признаку носит характер типичного европейского языка (см. карту II).

Карта II: модальные аффиксы

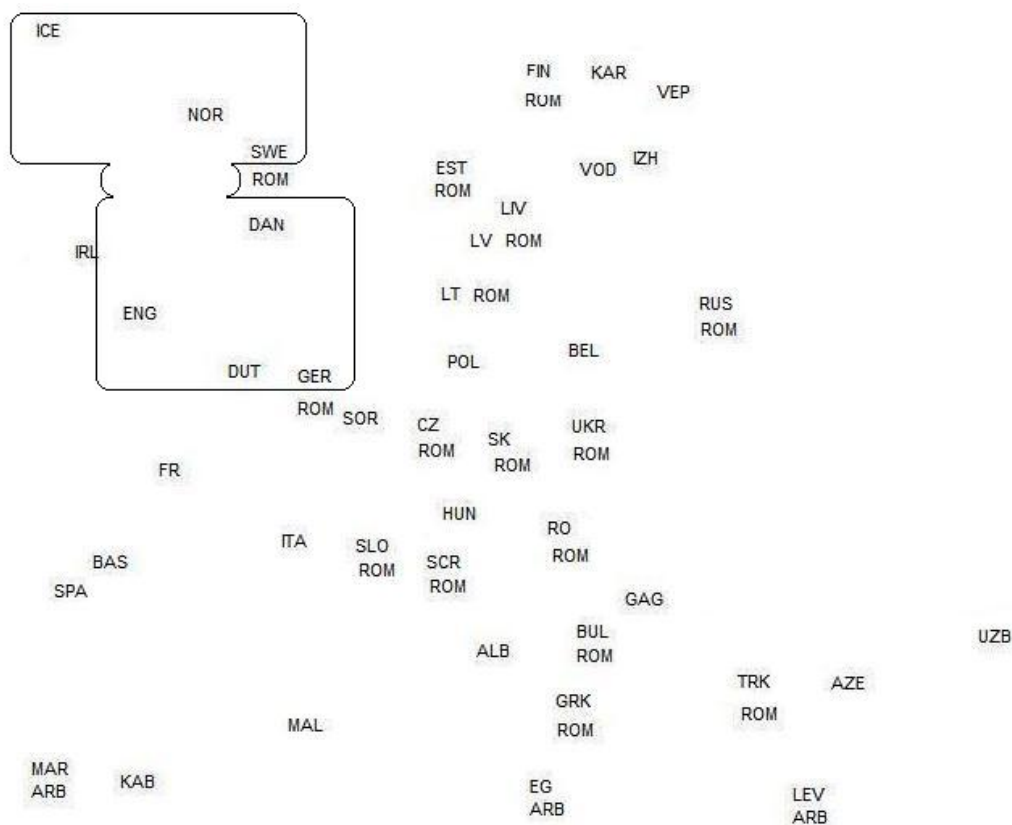
3. Сокращение фонетического материала МВС в языках Европы встречается крайне редко. То же самое можно сказать и о русском языке; т.е. МВС обычно сохраняют свою исходную форму и не утрачивают фонемы или слоги.

4. МВС как в русском так и в других языках носят среднюю степень парадигматической вариативности; с одной стороны, они не переходят в строго обязательные категории глагола; с другой стороны, они показывают сильную тенденцию к утрате

сочетаемостных ограничений, т.е. они сочетаются со всеми типами глаголов, независимо от семантики подлежащего.

5. Как изложено в гл. 1 русские МВС не образуют гомогенного парадигма. С морфо-синтаксической точки зрения можно различить глагольные МВС (*мочь*), прилагательные МВС (*должен*) и наречные МВС (*нельзя, надо*). Этим русский язык отличается от германских языков, МВС которых образуют специализированный парадигм со собственными морфологическими формами: германские модальные глаголы имеют морфологические формы, отличающиеся от лексических глаголов (претерито-презенты). Однако, как показывают данные из нашего типологического обзора - см. карту III -, такая высокая степень парадигматизации МВС обнаруживается исключительно в германских языках; т.е. германские языки в этом плане уникальны, в то время как русский язык ведет себя как все остальные языки Европы.

Карта III: языки с специализированным парадигмом MBC

4. Русский язык относится к большинству языков Европы (как и германские, романские и кельтские языки), в которых MBC сочетаются с инфинитивом, в то время как в языках балканского ареала (южно-славянские языки, греческий, румынский и некоторые варианты цыганского) BMC сочетаются с формами глагола, спрягающимися по лицу и числу; ср. серпск. *Петар не може да спава*. «Петр не может спать.»

5. Система MBC в русском языке характеризуется тенденцией к «безличным» конструкциям: четыре из шести MBC относятся к этому типу. Безличность как таковая довольно распространена среди языков Европы. Безличные конструкции находим напр. в романских, балтийских, ирландском, венгерском, тюрских и прибалтийско-финских языках. Однако, следует подчеркнуть и то, что преобладание

безличных конструкции по сравнению с личными мы нашли только в русском и в ирландском языках.

6. Среди русских МВС находим только два, которые восходят к глаголам (*мочь* и *следует*), остальные МВС морфологически ведут себя как наречия (*можно, нельзя, надо*) или как прилагательное (*должен*). Исходной частиречной принадлежностью русские МВС отличаются от германских и романских МВС, которые без исключения имеют глагольную морфологию. То же самое можно сказать о языках балканского ареала. С ареальной точки зрения интересен тот факт, что наречные или прилагательные МВС характерны и для финно-угорских и тюркских, значит для неиндоевропейских, агглютинативных языков.

Список литературы

1. Бондарко А.В. 1990 (ред.) Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Ленинград, 1990.
2. Ваулина С.С. 1988 Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI-XVII вв.). Ленинград, 1988.
3. Ивић М. (ред.) 2005 Синтакса савременог српског језика. Београд, 2005.
4. Майсак Т.А. 2005 Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. Москва
5. Плунгян В.А. 2001 Грамматикализация. // www.krugosvet.ru.
6. Плунгян В.А. 2003 Общая морфология. Введение в проблематику. (издание второе, исправленное) Москва, 2003.
8. Ханзен Б. 2006 На полпути от словаря к грамматике: модальные вспомогательные слова в славянских языках. // Вопросы языкознания 2006/2, 68-84
9. Шведова Н. Ю. и др. (ред.). 1980/82 Русская грамматика I-II. Москва
10. Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. 1994 The evolution of grammar. Tense, aspect, and modality in the languages of the world. Chicago.
11. Hansen B. 2001 Das Modalauxiliar im Slavischen. Semantik und Grammatikalisierung im Russischen, Polnischen, Serbischen/Kroatischen und Altkirchenslavischen. (Slavolinguistica 2) München, 2001.
12. Hansen B. 2004 Выражение модальности в берестяных грамотах. // Slavia 73/4, 411-422

13. Hansen B. / de Haan F. (eds.) in prep. Modals in the languages of Europe' (Eurotyp). Berlin.
14. Heine B. 1993 Auxiliaries. Cognitive forces and grammaticallization. New York.
15. Karlík P. et al. 1995 Příruční mluvnice čestiny. Praha, 1995.
16. Lehmann Ch. ²2002. Thoughts on grammaticalization. A programmatic sketch. München.
17. Mistrík J. 1983 Moderná slovenčina. Bratislava.
18. Palmer F.R. 2001² Mood and modality. Cambridge.
19. Traugott, E.C. 2003. Constructions in grammaticalization. // Joseph, B., Janda, R.D. (eds). The Handbook of Historical Linguistics. Oxford: Blackwell., 624–647.
20. van der Auwera J., Ammann A. 2005 Modal polyfunctionality and Standard Average European. // A. Klinge, H. Høeg Müller (eds.). Modality. Studies in Form and Function. London, 247-272.
21. van der Auwera J., Plungian V.A. 1998 - J. van der Auwera, V.A.Plungian. Modality's semantic map. // Linguistic Typology 1/2, 1998.